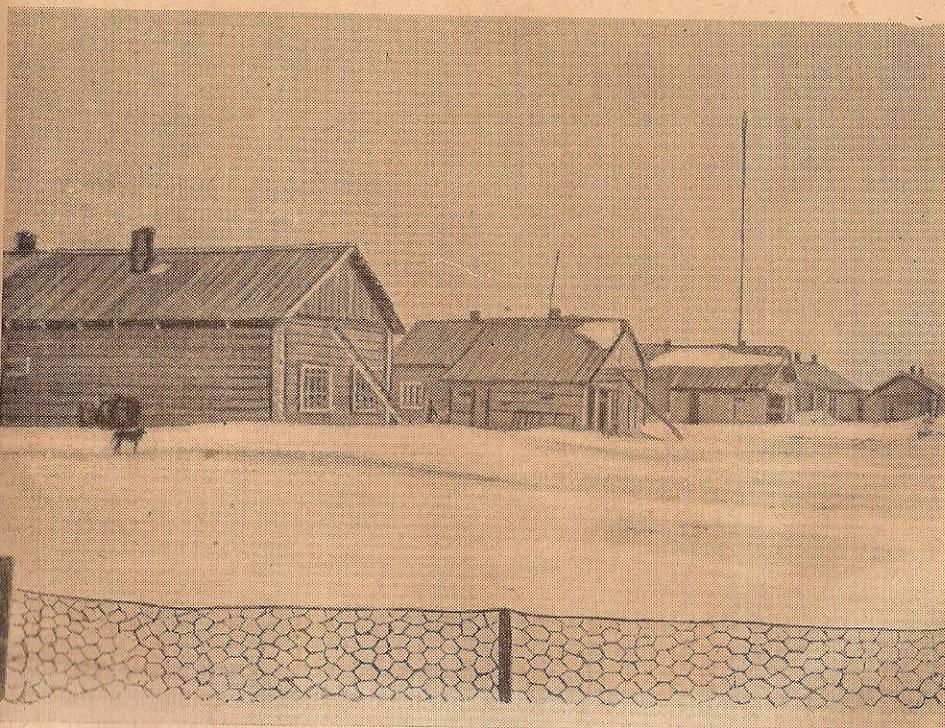

Осенью 1938 года снова загрустила Инкали. На Большую Землю, в далекую Москву, уезжала ее любимица — Тамара. Инкали грустила еще и потому, что знала: климат далеких больших городов не для тех, кто родился и вырос в Арктике. Немногие северяне могут жить там, где пыльно и жарко. Так писала ей старшая дочь — Пувзяк — из Москвы, где она чувствовала себя очень плохо, несмотря на заботы окружающих. Совсем недавно пришло последнее ее письмо, а следом письмо мужа, в котором он сообщал, что Пувзяк умерла. Образ девушки с черными косами, веселой, темноглазой Пувзяк, как живой, вставал в памяти Инкали. А теперь вот и другая дочка уезжает. Разве ее удержит судьба сестры?

Тамара торопила мать. Волнуясь, она никак не могла заставить себя посидеть с матерью хотя бы часок. Пароход, казалось ей, вот-вот уйдет.

Эскимосы все, от мала до велика, провожали уезжающих. Как всегда, катер и вельбот кружили около парохода. Над водой, над льдами плыли густые, протяжные, прощальные гудки. Капитан на мостике махал фуражкой. Перегнувшись через перила и протягивая руки к тем,

Поселок в бухте Роджерс. 1940 г.

Метеорологическая площадка в бухте Роджерс.

кто был на катере, Тамара кричала что-то, чего нельзя было разобрать за стуком мотора. Инкали крепко держалась за поручни и плакала горько и безнадежно, даже и не пытаясь на этот раз скрыть свое горе. Охотники стреляли в воздух. Ребяташики в восхищении смотрели на громаду корабля, высоко поднявшуюся после разгрузки, на белые буруны, вскипавшие под ударами винта. Но вот капитан дал полный ход. Расстояние между катером и кормой судна сразу выросло. Еще несколько минут — и туман, высокой стеной опоясавший ледистый горизонт, скрыл очертания судна.

Как всегда, новые хозяева поспешили ознакомиться с аборигенами. Метеоролог Саша Маленький оказался мастером на все руки. Он рисовал, пел, играл на гитаре, а главное — сразу поладил с ребятами. Второй метеоролог, Саша Большой, страстный поклонник Маяковского, стал постоянным участником вечеров самодеятельности.

В интернате появилась молоденькая уборщица — Нюра Кудряшова. Она поспевала всюду и все делала удивительно ловко и быстро. Хотя можно было притти в отчаяние от постоянно отрывавшихся пуговиц и растерзанных костюмов, Нюра терпеливо исправляла изъяны в одежде школьников, стирала, штопала, шила. Никто не просил ее об этом, но она принялась учить девочек шитью и вязанию. И не без успеха.

Таян.

знакомого с нуждами охотников и с задачами, стоящими перед островным хозяйством. Таян, несомненно, обладал нужными знаниями и опытом. Но ему недоставало общей культуры, принципиального подхода к решению вопросов.

В Москве было решено назначить Таяна начальником острова. В качестве заместителя на остров приехал коммунист с большим практическим хозяйственным опытом — Петр Васильевич Жимоленков.

Эта новость вызвала большое волнение на острове. Старики привыкли считаться с авторитетом Таяна-охотника, Таяна — заведующего факторией. Но молодой, горячий Таян — начальник над всем островом? По этому поводу шли большие споры.

Перед отъездом Петров провел немало вечеров с Таяном, беседовал с глазу на глаз, объяснял ему политический смысл его назначения и ответственность, которую он должен принять на себя, ответственность за жизнь людей, за честь советского флага.

И началась для Таяна совсем новая жизнь.

После долгой задушевной, серьезной беседы с Петровым и Петром Васильевичем Таян так же серьезно поговорил со своей Таслекак, которую на станции все звали Таней.

Маленькая толстушка Таслекак обладала веселым, общительным нравом. Больше всего на свете она, конечно, любила своего годовалого

Все старожилы острова быстро привыкли к ученому зоологу Леониду Александровичу Портенко. Он был необычайно прилежным охотником, с утра до вечера постреливал в окрестностях станции и домой всегда приходил с ягдташем, наполненным разнообразными пернатыми. Вместе со своим помощником Портенко аккуратно снимал шкурки и обрабатывал их.

По-новому был решен в том году вопрос о начальнике острова.

Еще зимой Петров поставил перед Политуправлением Главсевморпути вопрос о выдвижении на пост начальника острова Таяна, как представителя коренного населения острова, способного, грамотного и инициативного человека, хорошо

сынишку Володю. На втором месте был Таян. Ради него она готова была, по ее словам, на целый вершок вырасти. Таслекак охотно приняла на себя роль хозяйки, жены начальника острова. В ее поведении не было ни зазнайства, ни позы. Она оставалась попрежнему милой, чуть застенчивой и всеми любимой, прилежно делала все необходимое, чтобы поддержать достоинство своего нового положения. Конечно, не так-то было легко расстаться с обычаями и привычками своей среды. Не легко было усвоить и культуру Большой Земли, хотя немалый срок прошел с тех пор, как Таян и Таслекак жили бок-о-бок с советскими людьми. Но Жимоленков был рядом. Умело, не затрагивая самолюбия, он подсказывал Таяну и Таслекак нужные правила поведения.

Вскоре Таян переселился со своей семьей в квартиру начальника. Большой письменный стол, шкаф, никелированные кровати — вся обстановка квартиры осталась на месте.

Таян украсила свое новое жилище, повесила на окна шторы, накрыла хорошие пушистые одеяла, накрыла столы скатертями. Признаться, у нее в комнате было куда уютнее, чем у некоторых зимовщиков.

Охотники, приезжая на станцию, спешили навестить Таяна в его новой резиденции. Но все же они чувствовали себя там стесненно.

Инкали.

Обычно Таян угощал их в своей прежней комнате, где теперь жила Инкали. Он и сам был частым гостем у матери. После охоты, которой он отдавал много времени, он шел на старое, привычное место, там переодевался, сушился, там ждала его ухка — любимое национальное блюдо эскимосов из свежего мяса моржа.

За письменным столом новый начальник вместе с Жимоленковым составлял и подписывал приказы по станции, здесь проводил долгие вечера за книгой. Опыт, приобретенный за время работы в качестве заведующего факторией, помогал ему ориентироваться в хозяйстве острова. Он теперь знал, что такое план и учет. И если бухгалтерия в ее полном объеме была ему не под силу, то все же он старался быть в курсе всех дел. Одно только обстоятельство мешало ему: необходимость придерживаться определенных сроков. Его сердила эта зависимость, нарушающая привычно привольный образ жизни.

Порой он затевал спор с Жимоленковым.

— Знаешь, Петр Васильевич, напишем это завтра.

— Помилуй, Таян, да ведь на эту телеграмму мы должны были месяц назад ответить, а ты все откладываешь.

— Ну и что ж! Подождут до завтра, если целый месяц ждали. Однажды Жимоленков, желая ускорить выполнение какой-то отчетной сводки, сделал это сам и принес на подпись Таяну в готовом виде. Это понравилось Таяну:

— Подписать? Это можно. Так! Ну, что еще у тебя?

Жимоленков руками развел:

— Да ты посмотри, что именно ты подписал.

— Петр Васильевич, ты друг мне или нет?.. Разве ты мне что-нибудь неверное дашь? Ты же партийный человек...

Долго пришлось потом Жимоленкову отвоевывать назад свои позиции не только помощника и заместителя, но и учителя.

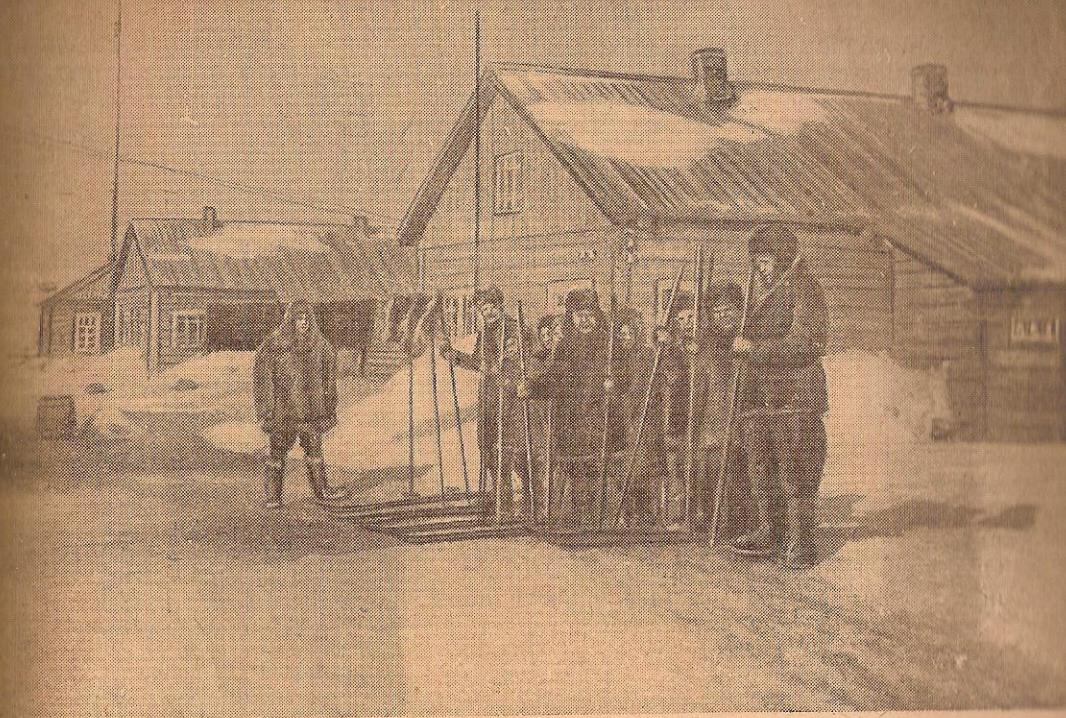
Зато в конкретной действительности, где нужна была сметка и инициатива, Таян чувствовал себя, как рыба в воде. Ему приходилось разрешать самые разнообразные жизненные вопросы — от аварала по заготовке мяса до примирения поссорившихся супругов или правоучений школьникам, с которыми иной раз не могли сладить ни учитель, ни Нюра Куряшова. Но и тут, увлекаясь чем-нибудь своим, он мог забыть о том, что обязан был делать.

Жимоленкову не легко было обучать Таяна чувству долга.

— Да ведь я же на охоту поехал. План нужно ведь выполнять, — оправдывался Таян, неожиданно уехавший на промысел, никого не предупредив.

— А без тебя здесь Кивьян приезжал с севера. Только с тобой говорить хотел. А я не знал, когда ты будешь, может быть через неделю... Время горячее — ждать он не стал. Сказал, скоро опять приедет. Час назад и уехал. Если бы я знал, что ты скоро вернешься, ему не пришлось бы зря собак гонять.

— Верно, Петр Васильевич. Надо было мне тебе сказать. Ну, да ты уж не обижайся.

Лыжная вылазка школьников эскимосов.

В другой раз он принимался горячо спорить:

— Какое это пьяństво, если я человека, который в дороге промэрз, спиртом угощу? Я же начальник! Он обидеться может. Скажет — я жадный. Ведь за спирт заплачено. Что ж тут плохого?

— Да если бы ты угостил в меру, кто бы тебе что сказал? А ты посмотри — Кивьян спяну ребят гоняет, а Кмо чуть дышит. Разве это дело?

— Петр Васильевич, ты не понимаешь, они меня как друга просили.

И снова нужно было на конкретных примерах показывать Таяну разницу между обязанностями начальника и голосом сердца и привычек. Таян мрачнел, нехотя соглашался. Но приезжал кто-нибудь издалека, и история начиналась сначала.

В конце концов Таян вышел из положения:

— Петр Васильевич, с сегодняшнего дня я тебе поручаю контроль над расходованием спирта и вина. Ты уж хэзяйничай сам. Тебе виднее, кому надо дать, кому нет.

Таян хитро улыбался. Теперь, если охотники и будут обижаться, так уж не на него, Таяна, а на приезжего человека. К тому же Жимоленкову удавалось уговорить всякого сделать то или не делать этого.

Много помог в работе станции трактор, на котором механик возил грузы к складу, доставлял дрова. Для питьевой воды приходилось привозить лед из-за перевала, с реки Нашей, так как ближний ручей в районе полярной станции досуха вымерз, а снег в окрестностях сильно загрязнялся копотью и песком, наносимым ветром с юга и с тундры.

Постоянным помощником механика был ученик Нанаун, который все свободное от охоты время жил на станции. Нанаун очень любил работать у верстака или двигателя. За несколько месяцев он стал незаменимым в механической мастерской. Он, как губка, впитывал в себя новые знания и впечатления. Скоро Нанауна зачислили в штат станции с определенной помесячной зарплатой. Уже не в качестве гостя, а как полноправный сотрудник полярной станции он садился за обеденный стол. И какой бы спешной ни была работа, в кают-компанию он всегда приходил с чисто вымытыми руками, сменив рабочий комбинезон на чистый ватник.

Нанаун сдружился со слепым Колей. Так и привыкли видеть их двоем по пути в столовую, в мастерской, вечером у топящейся печки. Они подолгу разговаривали о чем-то своем, задушевном, умолкали при посторонних, как бы стыдясь проявлений своей хорошей дружбы.

Иногда Нанаун заходил в интернат, где в старшей группе училась маленькая Маруся — сестра Коли. Марусе шел пятнадцатый год, все считали ее будущей невестой Нанауна. Маруся не уделяла Нанауну особого внимания. Она весело отвечала на его приветствие и продолжала учить уроки или играть с малышами.

Нанаун подолгу сидел в сторонке, наблюдая, как Маруся старательно пишет что-то в своей тетради или прыгает по длинному школьному коридору. Изредка они подолгу разговаривали о чем-то на родном языке.

Старший сын Таяна, Кисимбо, и две дочери тоже жили в интернате.

Как-то весной 1939 года Таян зашел к Инкали необычно веселый. Инкали оставила свое шитье, заторопилась напоить дорогого гостя чаем, желая поскорее услышать хорошие вести. А что новости были, она заметила с первого взгляда.

Таян рассказал, что осенью на остров приедет новый врач, завхоз и старый их знакомый — Иван Семенович Кузякин с женой. А еще... Громов.

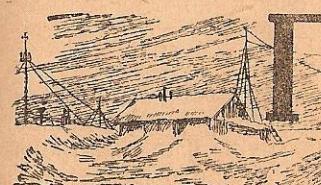
— Он моим заместителем будет, — важно добавил Таян, и глаза его сияли: пусть мать погордится и порадуется.

Помимо работников полярной станции, должна была приехать целая геологическая экспедиция. И еще группа строителей, которая выстроит теплицу — «дом, где и зимою будет лук расти» (зеленый лук частенько завозили самолеты, приходившие из бухты Провидения). Возвращалась Тамара с мужем.

Да, новости были замечательные. Сколько новых людей появится на острове, сколько приедет старых знакомых!

ГЛАВА XIX

ГЕОЛОГОРАЗВЕДОЧНЫЕ РАБОТЫ В 1939—1940 ГОДАХ

ГЕОЛОГОРАЗВЕДОЧНОЙ экспедиции, выехавшей на остров Врангеля в 1939 году, поручалось обследовать Перкаткунское месторождение горного хрусталя, открытое в 1937 году Громовым, а также выяснить условия кварцевой кристаллизации и возможность наличия новых месторождений в соседних районах.

Для этого было организовано два небольших геологических отряда. Кроме того, было решено закартировать район работ с помощью наземной стереофотограмметрии. Этот метод топографического картирования носил характер опытных работ, поскольку в условиях Арктики он применялся впервые и еще не успел завоевать права гражданства.

В состав экспедиции вошли два геолога — Л. В. Громов и М. Т. Кирюшина, астроном-геодезист А. Ф. Дальгрен, стереофотограмметрист Н. А. Никитин, водитель вездехода А. Шубин и четверо рабочих. Все они имели большой опыт работы в Арктике. Экспедиция располагала трактором, вездеходом и полуторатонной грузовой машиной для работы в районе, прилегающем к станции.

Всего осенью 1939 года с парохода сошло на остров двадцать четыре человека. В поселке сразу стало многолюдно и весело, а в домах даже тесновато.

Приехали строители, заведующий будущей теплицей, доктор, охотвед, заведующий факторией, Тамара, повар с женой. Все нашли Тамару похорошевшей и повзрослевшей. Иван Семенович был неизменен: та же борода, та же речь, насыщенная шутливыми выражениями. Степенная Ксения Тихоновна, жена повара, прежде всего пошла проводить сementалку Зорьку, неизменно снабжавшую поселок чудесным молоком.

Ребята ждали, что в качестве учителя и воспитателя приедет седой и строгий человек, и вначале они не без разочарования рассматривали нового учителя — Колю Самойлова, двадцатилетнего юношу, по виду почти мальчика, заливавшегося девичьим румянцем всякий раз, когда к нему кто-нибудь обращался.

Когда полярники впервые собрались в кают-компании, оказалось, что на острове собралось... девять Александров и десятая — Шура Кравченко, молоденькая чернобровая и кареглазая бригадирша строителей. Несмотря на свои двадцать лет, Шура была не только техником-строителем, но и пилотом: она успела закончить учебу в Ворошиловградском аэроклубе. Как и подобает истой украинке, Шура сразу обогнала печь в своей комнате, вымыла пол, и к вечеру комната приобрела особый девичий уют. В эту же комнату перешла жить Ниора Курдяшова.

Будни зимовки 1939 года не были похожи на предыдущие годы. Почти каждый день приносил с собой что-нибудь новое. Началось

с организации базы геологоразведчиков у горы Перкаткун. Прежде всего нужно было построить избушку. Но как доставить строительные материалы? Вездеход был получен в неисправном виде. Пришлось использовать трактор. Было устроено подобие саней, полозьями служили толстые бревна, подбитые железными полосами.

В одно августовское утро трактор запрягли в эти огромные сани, на которые погрузили фанеру, доски, часть экспедиционного имущества, горючее, и он потянул их вверх по склону, через перевал к долине реки Нашей, а затем по речной долине в центральную часть острова. Потом тракторная колея в течение многих месяцев служила путеводной нитью, связавшей бухту Роджерс с долиной ручья Хрустального.

Ребятишки провожали невиданный поезд криками восторга: кому бы в голову пришло, что такую машину можно протащить по вязкой тундре и по каменистым россыпям на протяжении 80 километров!

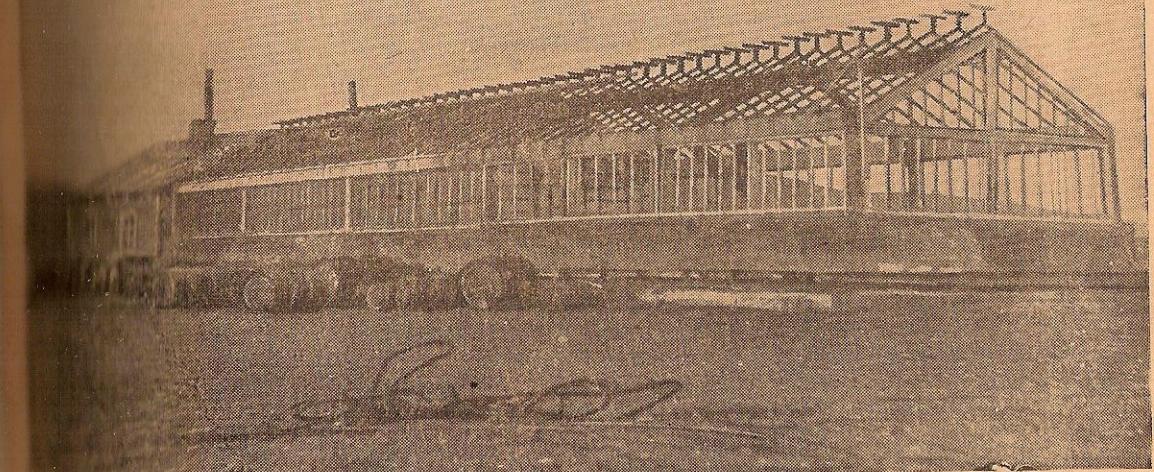
Каждую неделю на станцию приходили то вездеход, то пешие работники экспедиции. Со станции то и дело выезжали нарты: охотники ехали по капканам, доктор — в объезд охотничих зимовий, охотовед и заведующий факторией — в развозной торг по острову. Иван Семёнович неизменно ворчал; ему надоело печь хлеб отъезжающим и встречать проголодавшихся приезжих. Покоя так и не было в ту зиму ни на станции, ни в поселке, ни в горах острова.

Каждый участок полярной станции жил своей жизнью. Метеорологи готовили к навигации выносную станцию на мысе Литке. Радист обучал оператора для этой станции, механик учил метеоролога и будущего оператора искусству запускать движок.

Время летело очень быстро. Кроме авралов, была повседневная работа, вечера самодеятельности, кружки. Ежемесячно выпускалась стенгазета. Раз в десять дней Коля Самойлов самоотверженно крутил ручку киноаппарата и на другой день так же самоотверженно перематывал ленту обратно. По просьбе эскимосов несколько раз показывались их любимые фильмы — «Чапаев» и «Любовь Алены».

Под Новый год для ребят была устроена елка. «Деревом» служил железный остов с вонкнутыми в него прутьями, обвитыми мелко нарезанной зеленой бумагой. Коле Самойлову немалую помощь оказали Тамара. Она видела в Москве, в Колонном зале Дома Союзов, роскошную, незабываемую елку. С каким увлечением развешивала она теперь на родном острове сверкающие украшения, среди которых прятались разноцветные лампочки!

Большие события, происходившие зимой 1939/40 года на родине, находили живой отклик на острове. Все с нетерпением ждали радиосводок, рассказывавших о первых шагах советской жизни в западных областях Украины и Белоруссии, о боях в Финляндии. Каждая новость живо и горячо обсуждалась. Регулярно выходили специальные бюллетени «Последние известия по радио». Ко Дню Красной Армии комсомольцы решили провести военизированный лыжный поход от фактории до мыса Блоссом. Возглавлял поход неутомимый Коля Самойлов. Кроме

Постройка теплицы.

него, в походе приняли участие один из строительных рабочих и Науян. В мороз, в пургу, не без приключений, прошли они около 200 километров, по пути посетили жилье охотников. В избушках Коля вооружался волшебным фонарем и проводил беседы о Красной Армии и текущих событиях политической жизни.

Интересное нововведение осуществила доктор А. Г. Умова. Посоветовавшись с механиком, она наладила кварцевую лампу. Теперь все население поселка могло приходить в аптеку «загорать» по расписанию. Эскимосы с наслаждением подставляли тело ласковым лучам, изумляясь ослепительному сиянию, исходившему из-под металлического колпака.

Банный день проводился регулярно, и каждый раз он был большим событием.

Накануне установленного дня дежурная бригада пилила дрова и снег¹. Белые матовые кубы складывались возле бани, из трубы которой валил дым. Во всех уголках поселка полярники готовили смену

¹ Ветры делают снег плотным настолько, что лопата его не берет. С помощью топора снег колется на небольшие неровные куски, одноручной же пилой легко выпиливаются большие снежные кирпичи, удобные для переноски и закладки в котел, поэтому для получения воды снег в Арктике во многих местах пилят.

чистого белья. В жилых комнатах мылись полы, жарче обычного натапливались печи. Таян и другие любители запасливо готовили березовые веники.

Но вот баня готова. Доктор «принимал работу» и давал сигнал. Сперва мылся интернат. Дети выходили к чаю уже «готовыми», разрумяненными, чистенькими. Вторая очередь — баня с паром. Каменка накалена докрасна. Одно ведро воды — пар со свистом летит к низкому потолку. На самой верхней полке Таян, чуть пониже — рабочий Легостаев, старый таежный волк. Он-то знает толк в березовом венике. Таян не успевает поворачиваться с боку на бок. Веник хлестко ложится на распаренное тело.

— Ты, Таян, совсем расейский мужик, — с уважением говорит Легостаев, притомившись стегать своего компаньона.

— Давай, батя, давай! — кричит Таян.

У самого пола нежится в мыльной пене Кмо. У него застарелая болезнь горла. Поэтому доктор нет-нет, да предупредит, чтобы Кмо не увлекался. Но Кмо не слышит или не хочет слышать: он находит, что баня — это единственное средство, могущее продлить его жизнь.

Потом мылись женщины. Не обходилось без конфликтов. Чуть не досмотрит женское сословие — и баня уже занята представителями сильного пола.

Как бы то ни было, к ужину большая часть полярников успевала вымыться. У Ивана Семеныча нос сиял, как электрическая лампочка. Предвкушая узаконенную «маленькую», все потирали руки. Сегодня можно — банный день.

В то время как станция жила своей обычной деловой жизнью, экспедиция готовилась к широкому развертыванию геологопоисковых и съемочных работ.

На холмике, где два года назад в памятный день находки хрусталия Громов чаевал с Степаном Поповым, теперь врос фанерный домик с двойными стенками, проложенными рубероидом и толем. Внешне домик походил на вагон — с та-

кими же цельными окнами и чуть выпуклой толевой крышей, а внутри — на пароходную каюту. У самой двери поместились печка-буржуйка, направо — обеденный стол, скамьи, полки для посуды и хозяйственного инвентаря. Налево, в глубине помещения, по стенам разместилось в два этажа шесть коек. Женская рука (женщина-геолог занимала одну из коек) украсила их ситцевыми занавесками. Пестрые узоры создавали некоторый уют. В домике три окна, у каждого из них по столу. На одном — радиоприемник. Позади домика — натянутая на каркасе палатка-склад. Чуть подальше над обрывом — высокий шест с красным флагом, укрепленный растяжками. Рядом с домиком — столб астропункта. На горе — триангуационный знак. В обрыве у основания пирамиды была заложена разведочная канава.

Август и сентябрь 1939 года стояли погожие. Изредка моросил дождь, вскоре сменившийся снежком. Потом пошли хорошие морозные дни. Работа шла дружно.

Вечером все работники экспедиции собирались у столов. Геологи писали свои дневники, вырисовывали чертежи выработок, завертывали образцы, возились с картой. Геодезист, надев наушники, упрямо ловил Бордо или Науэн. Стереофотограмметрист со своим помощником, завесившись одеялами, перезаряжал кассеты к завтрашнему маршруту. Один из рабочих готовил ужин, другой чинил сапоги (извечная забота полярника). Тут же стирали в тазике белье. Все это на пространстве в 18—20 квадратных метров. И тесно не было.

Выйдешь на «улицу» — порывистый ветер, темнота. Домик светится своими незавешанными окнами. Лучи пронизывают ночную темь. А кругом на десятки и сотни километров — безлюдье. Воздух чист и свеж. Ночное небо вдруг начинало светиться. Разгоралось северное сияние. Тогда из домика выходили все его обитатели. Они долго стояли, не замечая ни ветра, ни мороза.

— Ужинать! — кричит дежурный.

И только этот зов загонял людей в помещение.

Геолог М. Т. Кирюшина.

Астропункт в поселке бухты Роджерс. 1940 г.

Когда пришла зима и нельзя уже было продолжать полевые работы, основной состав экспедиции вернулся на станцию. В домике остался дежурный, которому надлежало охранять хозяйство и попутно ставить капканы на песца. Песцов в окрестности было много.

На станции развернулись камеральные работы. Заработала шлиховая лаборатория, шлифовальный станок. Никитин установил стереокомпаратор и набирал материал для составления карты заснятого участка. Астроном занялся промеркой базиса и определением астропунктов. Рабочие были заняты на проходке шурfov. По утрам кто-нибудь из геологов обходил шурфы, заложенные вблизи поселка, брал пробы, вел взрывные работы. Над косой гремели раскаты. Ближе к весне опробование было перенесено на реку Нашу и реку Хищников. На обязанности Кирюшиной лежало ездить на собаках за перевал для доставки на станцию шлиховых проб, которые промывались зимой в закрытом помещении, и для ведения взрывных работ.

В общем для скуки не оставалось времени. Астроному приходилось еще рисовать заголовки для очередного номера стенгазеты, украшать помещение кают-компаний лозунгами. Остальные работники экспедиции кто руководил кружками самообразования или занятиями по изучению истории партии, кто обучал малограмотных — каждому нашлось дело.

Размах работы все время возрастал. Наиболее трудным оказалось положение Громова: он совмещал обязанности заместителя начальника острова, парторга и руководителя геологоразведочной партии. Пришло просить у Москвы подкрепления. В апреле 1940 года на остров прибыл новый заместитель Таяна — Николай Игнатьевич Оськин.

Подошло время строить выносную метеостанцию. На вездеходе и нартах необходимое имущество было заброшено на мыс Литке. По окончании учебного сезона туда выехал и Коля Самойлов, будущий радиотехник, и метеоролог Саша Большой. За зиму Коля научился передавать до 80 знаков в минуту и в совершенстве изучил двигатель.

Двум комсомольцам предстояло прожить в трудных условиях весь период навигации, несколько месяцев, полных тяжелого физического труда. В случае каких-либо неполадок в радио они могли рассчитывать только на себя. Девяносто километров, отделявших от станции, были большим расстоянием, если учесть льды на море, которые не позволяют подойти к мысу на катере, и отсутствие вездехода, обслуживающего экспедицию. Летом на нартах не доехать. Оба комсомольца-полярника знали обо всем этом и взялись за дело, уверенные в успехе. Выносная станция мыса Литке успешно выполнила план своих работ, бесперебойно на протяжении всего навигационного периода передавая сводки о погоде и состоянии льда.

В мае развернулись работы экспедиции в центральной части острова. В Центральных горах работала женщина геолог Мария Тихоновна Кирюшина. В одиночку, с тяжелым рюкзаком и треногой за плечами (приходилось одновременно с геологической вести и топографическую съемку) она исходила вдоль и поперек этого наиболее высокогорный участок острова. Она была первой, кто нарушил покой заоблачных вершин,

на которые еще неступала нога человека. В районе Мамонтовых гор вел съемку Л. В. Громов. Так были положены на карту долина реки Нашей, Центральные и Мамонтовые горы.

Представление о геологии Земли Врангеля пополнилось новыми уточненными данными.

Было выяснено, что с запада на восток через весь остров тянутся в широтном направлении антиклинальные асимметричные складки, осложненные элементами вторичной складчатости. Складки опрокинуты к северо-северо-западу и сложены породами палеозойского и мезозойского возраста. Наиболее древние палеозойские породы представлены здесь кристаллическими сланцами, гнейсами, кварцитами, амфиболитами, пронизанными гранитными прожилками, расположеннымными послойно. Породы этой толщи сильно изменены под воздействием гранитной интрузии — перекристаллизованы и окварцовы.

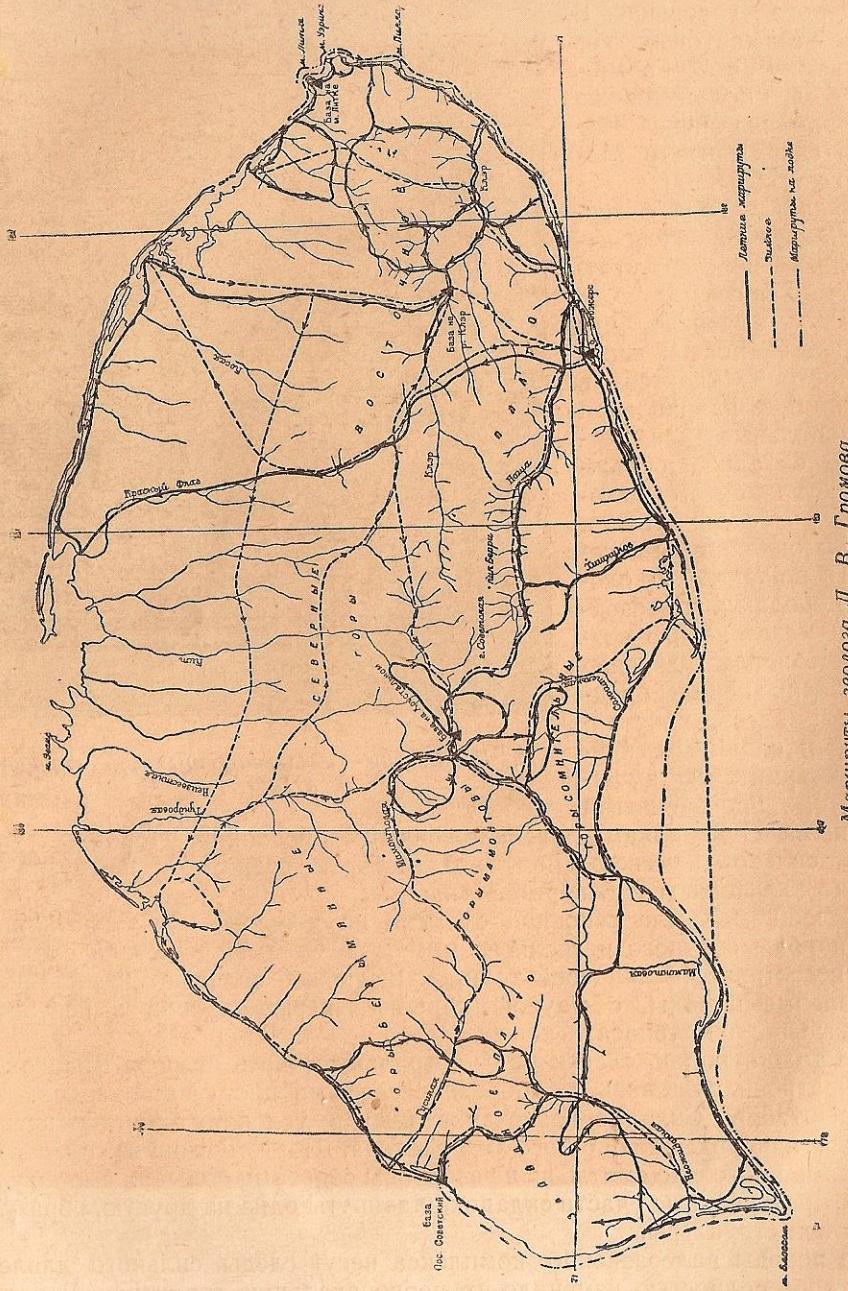
На южном крыле основной складки на дневную поверхность выходят породы среднего и верхнего палеозоя. Средний палеозой сложен немой известняково-сланцевой толщей. Выше ее залегают известняково-сланцевые породы с фауной карбона, пермо-карбона и песчано-сланцевые породы триаса.

Вся толща пород, слагающих центральную часть острова Врангеля, неоднократно нарушалась горообразовательными процессами грандиозных масштабов. Складкообразование шло в условиях одностороннего давления, направленного с юго-юго-востока. Поэтому мощные пластичные толщи не только смяты, но и разорваны сбросами больших амплитуд. Нередко разорванные части складок надвинуты одна на другую, образуя чешуйчатые структуры.

Все породы палеозойского комплекса несут следы сильного давления, которое полностью изменило их первоначальную структуру. В поле

Н. И. Оськин — начальник полярной станции в 1940 г.

Макоммати 2694089 *Jl. B:* Громова.

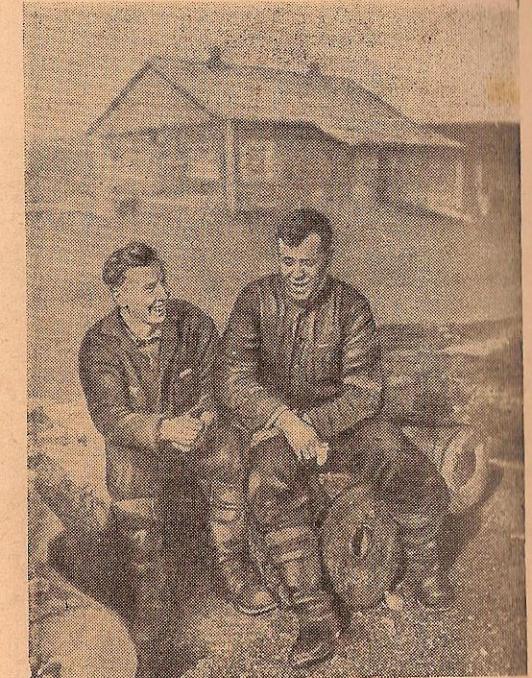
частенько можно было видеть раздробленные породы, которые в момент складкообразования обладали меньшей пластичностью. Эти породы превращены в брекчии, сцементированные кварцевыми растворами.

Кварцевые жилы, связанные с гранитами, несут заметные признаки оруденения. Шлиховое опробование, произведенное в центральной части острова в 1939/40 году, подтвердило предположения прежних лет о присутствии в речных отложениях, а стало быть и в породах острова, оловянного камня, пирита, монацита и золота.

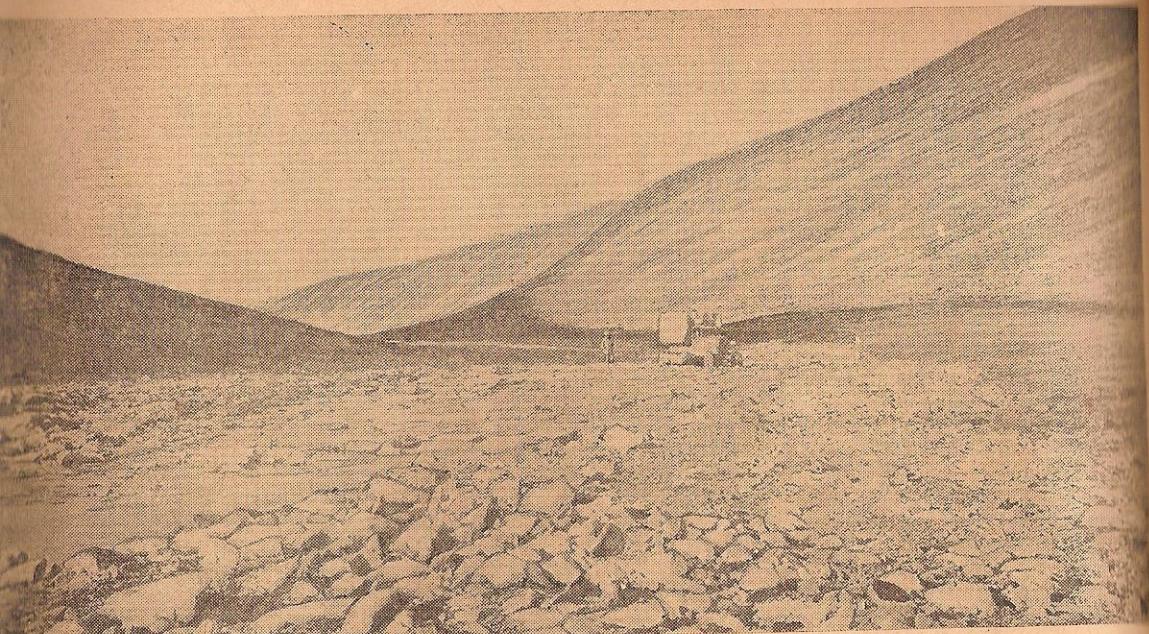
Новые месторождения горного хрусталия не были обнаружены на исследованной территории. Месторождение горы Перкаткун было изучено довольно детально. Удалось установить, что горный хрусталь на горе Перкаткун приурочен к «карману» в брекчированных известняках девона, заполненных кварцевыми растворами. Как все месторождения этого типа, «карман» горы Перкаткун не имеет правильной формы и не позволяет уточнить данные о запасах кварца. В условиях острова Врангеля, где большую часть года наблюдаются отрицательные температуры, при которых кварц становится чрезвычайно хрупким, добыча его и разведочные работы связаны с большими трудностями. Один неловкий удар молотком — и прозрачное тело кристалла помутнеет от множества трещин.

Кроме известных ранее полезных ископаемых, южной окраины Центральных гор экспедиция обнаружила залежи гипса, которому, быть может, суждено сыграть свою роль в строительстве будущих лет на острове и на побережье Чукотки.

Хорошие результаты дала стереофотосъемка, охватившая площадь в 1500 квадратных километров. Наиболее эффективной, даже в таких неблагоприятных условиях, которыми отличается природа и климат острова Врангеля, оказалась стереофотограмметрическая съемка стотысячного масштаба. При наличии первоклассной аппаратуры и механического транспорта, обеспечивавшего быстрое передвижение съемочного отряда, удалось создать высококачественную топографическую

*Н. И. Оськин с метеорологом Сашей
Маленьким.*

Вездеход в каменистом ущелье в верховьях ручья Хрустального.

основу. Геодезическая сеть острова пополнилась в эти годы тремя новыми астрономическими пунктами, и теперь карта острова опирается на прочную, незыблемую основу.

Впервые самые сокровенные уголки тундры огласились звуками мотора.

Впервые гусеницы вездехода оставили свой след и на крутых склонах гор и на поймах речных долин.

Осенью 1940 года на острове наступило затишье. На материк выехали сотрудники геологоразведочной экспедиции и часть работников полярной станции.

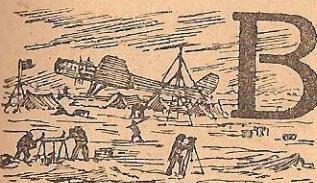
Этой же осенью эскимосы проводили Таяна. Он ехал на материк, чтобы побывать в других районах севера, пополнить свои знания и опыт, подобрать охотников.

Вместе с работниками экспедиции в Москву отправились на лечение Кмо и Коля Попов. Главсевморпути решило сделать все возможное для того, чтобы вернуть юноше зрение. Обоим врангелевцам было суждено прорешать великий путь от острова Врангеля до Москвы.

В Москве они провели ровно год, но Коле так и не удалось увидеть города, о котором он так мечтал. Он проходил мимо Кремля, и Кмо рассказывал ему о его башнях и звездах, он слышал звон кремлевских курантов, прикасался рукой к стенам мавзолея, но так и не увидел Ленина. Зрение было утрачено навсегда. Коле предлагали остаться в Москве, в убежище для слепых, но его потянуло назад, к родным людям.

ГЛАВА XX

ОСТРОВ ВРАНГЕЛЯ — БАЗА ЭКСПЕДИЦИИ К „ПОЛЮСУ ОТНОСИТЕЛЬНОЙ НЕДОСТУПНОСТИ“ (1941)

ЕСНОЙ 1941 года остров Врангеля стал базой воздушной экспедиции в район «полюса относительной недоступности». Так называется обширное пространство, лежащее к северо-востоку от острова Врангеля. Этот район не посещался исследователями, и наука не располагала о нем никакими сколько-нибудь достоверными данными. Долгое время предполагалось даже, что в этом районе Полярного бассейна есть суша. На некоторых географических картах значилась пунктиром гипотетическая Земля Гарриса.

В 1927 году на дрейфующий лед у $77^{\circ}04'$ северной широты и 175° западной долготы садился самолет американца Губерта Вилкинса, вылетевшего с мыса Барроу на Аляске с летчиком Эйльсоном. Вопреки предположениям ученых, Вилкинс земли не обнаружил. Мало того — при измерении глубины с помощью эхолота Вилкинс получил неожиданный результат: глубину в 5440 метров. Это была наибольшая из глубин, когда-либо измеренных в Северном Ледовитом океане.

Мысль об исследовании района «полюса относительной недоступности» давно занимала советских полярников. Экспедиция в этот район намечалась еще в 1938 году. Организовать и возглавить эту экспедицию поручали мне. Было заготовлено почти все снаряжение, но начавшийся дрейф ледокольного парохода «Седов» заставил отложить экспедицию.

Особый интерес к этой экспедиции проявлял известный полярный летчик Иван Иванович Черевичный.

Осенью 1939 года совместно с профессором Н. Н. Зубовым он представил начальнику Главсевморпути обстоятельную докладную записку, где был изложен обоснованный план исследования района «полюса относительной недоступности».

Содержание этой записки дает полное представление о целях и методах исследования, поэтому приводим ее текст.

«Улучшение краткосрочных и долгосрочных метеорологических и ледовых прогнозов, столь необходимых для успешного освоения Северного морского пути, упирается в малую изученность гидрометеорологического режима Центрального Полярного бассейна.

Наши знания значительно увеличились после дрейфа станции «Северный полюс» и ледокольного парохода «Г. Седов». Но эти дрейфы протекали в секторе Арктики между Гренландией — Северным полюсом — Новосибирскими островами. Остальная, значительно большая часть Арктического бассейна представляет собой в буквальном смысле «белое пятно», где не только о режиме льдов и течений, но даже о рельефе дна мы имеем лишь весьма приблизительные представления.

Естественно, что в последнее время именно к этому району все чаще и чаще обращаются мысли полярных исследователей.

Амундсен предполагал прорейфовать через этот район к Северному полюсу на судне «Мод», что, как известно, успехом не увенчалось. Уилкинс готовится проникнуть в этот район на подводной лодке. Арктический институт подготовлял в этом районе дрейф на ледовом поле, организованный подобно тому, как был организован дрейф станции «Северный полюс». Организация этого дрейфа была отложена в связи с начавшимся дрейфом «Седова».

Одним из обстоятельств, значительно увеличившим значение дрейфа «Седова», является то, что дрейф «Седова» начался тогда, когда дрейф станции «Северный полюс» еще не кончился. Благодаря этому было осуществлено непрерывное наблюдение над Центральной Арктикой в течение 1937, 1938 и 1939 годов. В настоящее время дрейф «Седова» заканчивается. Между тем именно сейчас, когда в результате анализа дрейфа «Седова» удалось подметить и объяснить новые особенности дрейфа льда, наблюдения в Центральной Арктике особенно необходимы для окончательной проверки выведенных учеными правил и распространения их на необследованные районы Арктики.

В связи с изложенным представляется крайне желательным проведение в марте—мае 1940 года специальной воздушной экспедиции, которая в дополнение к обычной преднавигационной ледовой разведке произведет несколько посадок на лед. Во время этих посадок должны быть проведены по специальному выработанной программе следующие наблюдения: измерения глубины моря, определения температуры, солености и морских течений на различных глубинах, определения магнитных и других геофизических элементов, метеорологические и ледовые наблюдения.

Что ожидается от экспедиции?

1. В районе между Северным полюсом и материковой отмелью к северу от острова Врангеля, где на $73^{\circ}30'$ северной широты и $175^{\circ}30'$ западной долготы измерена глубина 154 метра, известна только одна глубина, измеренная в 1927 году Уилкинсом эколотом с самолета. Эта глубина — 5440 метров на $77^{\circ}46'$ северной широты и 175° западной долготы — является пока наибольшей глубиной Северного Ледовитого океана. Лежит она в советских водах. Сам Уилкинс в этой глубине сомневается.

2. Установление пределов распространения теплого глубинного Атлантического течения, открытого в Арктике Нансеном и обнаруженного в соответствующих районах во время дрейфа станции «Северный полюс» и ледокола «Седов». Можно будет не только определить это течение качественно, но и произвести количественные подсчеты, чего до сих пор не удалось сделать ни для одного из районов Центральной Арктики.

3. Установление зависимости дрейфа льдов от направления и скорости ветра для приврангелевского района, что уже сделано для районов дрейфа станции «Северный полюс» и «Седова».

4. Установление типичного для преднавигационного периода развития синоптических процессов в приврангелевском районе, что позволяет синоптикам в дальнейшем значительно вернее проводить изобары, подобно тому как это случилось для районов, охваченных дрейфом «Седова» и станции «Северный полюс».

5. Проверка наличия и обоснование Великой Сибирской польни, тянувшейся от Новосибирских островов к острову Врангеля.

Новосибирская польня была открыта Геденштромом к северу от Новосибирских островов в марте—апреле 1810 года, замечена также Санниковым в 1811 году, Анжу в 1821—1823 годах и Матиссоном и Бруневым в 1902—1903 годах. Колымская польня, являющаяся, повидимому, продолжением Новосибирской, была открыта Врангелем в 1820—1823 годах. Надо отметить, что в навигацию 1939 года наши летчики во время своих полетов наблюдали к северу от Новосибирских островов громадные пространства чистой воды, в то время как пролив Санникова, например, был забит льдами.

6. Преднавигационная разведка льдов в Чукотском и Восточносибирском морях и попутный сброс буйков в различных пунктах.

7. Продолжение непрерывных наблюдений над льдами Центральной Арктики и определение их характера в приврангелевском районе».

Проект получил одобрение руководства Главсевморпути, однако практическое его осуществление было отложено на неопределенный срок.

В 1940 году экспедиция не состоялась. В тот год, работая на ледовой разведке, Черевичный зашел далеко в глубь Полярного бассейна и достиг 82° северной широты и 170° восточной долготы. Этот полет, по словам Черевичного, он совершил «в порядке подготовки к высокосиротной экспедиции: хотелось посмотреть, годятся ли льды в районе «полюса недоступности» для посадки тяжелого самолета».

Ему удалось обнаружить большие поля пакового льда, которые могли служить надежным аэродромом.

Экспедиция была снаряжена ранней весной 1941 года. Для нее была выделена тяжелая четырехмоторная машина «СССР Н-169» — одна из тех, что участвовали в экспедиции на Северный полюс. Экипаж самолета составили: командир И. И. Черевичный, штурман В. И. Аккуратов, второй пилот М. Н. Каминский, бортрадист А. А. Макаров, бортмеханики Д. П. Шекуров, В. П. Барукин и А. Я. Дурманенко. Научная группа была сформирована в составе директора Арктического института Я. С. Либина, магнитолога-астронома М. Е. Острекина и гидролога Н. Г. Чернитовского. Первоначальный проект Черевичного и Зубова подвергся некоторым изменениям. Вместо шести посадок Арктический институт счел возможным ограничиться тремя, которые должны были треугольником охватить значительную часть океана в районе «полюса относительной недоступности». Каждая сторона треугольника равнялась примерно 250 километрам. Это должно было обеспечить наиболее полное и всестороннее изучение района. Среди оборудования были три гидрологические лебедки: одна рассчитана на измерение глубин до 6000 метров, вторая до 3000 метров и третья до 100 метров. На пути к острову Врангеля, который был избран базой экспедиции, ей было поручено обследовать состояние льдов в высоких широтах на громадном пространстве, начиная от Земли Франца-Иосифа.

Старт был дан утром 5 марта 1941 года. Самолет шел по маршруту Архангельск — Амдерма — остров Рудольфа, затем по прямой к мысу

Молотова, далее в высоких широтах моря Лаптевых и Восточно-Сибирского до острова Врангеля — всего около 6000 километров.

Острова Де Лонга были последней землей на пути к острову Врангеля. Дальше на протяжении свыше тысячи километров расстился океан. Через десять часов полета показались высокие кучевые облака. За облаками выступили горы. Черевичный повел самолет над горами, набирая все время высоту, потом нырнул в какую-то лощину и почти до самой бухты Роджерс шел в горах.

Летчики с удовлетворением отметили, что аэродром на острове Врангеля содергится в образцовом порядке. Это значительно облегчило старт в район «полюса относительной недоступности».

Начальник полярной станции Николай Игнатьевич Оськин рассказал летчикам, что пишут и говорят на Большой Земле об экспедиции, — он заранее собрал довольно обширную информацию.

Когда отдохнувшие гости явились в столовую, там уже были в сборе все зимовщики. Были тут и представительницы коренного населения — жены эскимосов. Все мужское население находилось на промыслах. Посредине стоял длинный стол, покрытый белоснежной скатертью и уставленный яствами. Участников экспедиции усадили на почетные места. Завязалась дружеская беседа. Москвичи передавали столичные новости. Зимовщики рассказывали о жизни острова: за зиму они построили хорошую баню, зима оказалась удачливой для охотников — добыли много песцов. К началу навигации на мысе Блоссом устанавливается маяк для пеленгования. Зимовщики решили это строительство осуществить своими силами и средствами. Они сконструировали передающую станцию, подготовили оборудование, сделали палатки. Обязанности радиста на маяке «по совместительству» решил выполнять учитель, овладевший за зиму специальностью радиста. Ни людей, ни аппаратуры не надо будет доставлять с материка.

Экипаж отдыхал три дня.

Как только закончился этот «отпусковой период», началась усиленная подготовка к полетам. Механики возились у машины. Цистерны с горючим подвозились на собаках. Черевичный установил строжайший контроль над багажом и безжалостно выбрасывал все, без чего, по его мнению, можно было обойтись.

Первый полет задержали сильные ветры. Наконец, 26 марта тронулись в путь. Технические условия самолета «СССР Н-169» предусматривают максимальный полетный вес машины в 24,5 тонны. Самолет весил несколько больше. И все же до отказа перегруженная машина оторвалась легко и быстро. Лететь на большой высоте, над горами, перегруженный самолет не мог. Поэтому Черевичный направился в обход острова Врангеля с восточной стороны. Примерно через полчаса после старта начало трясти крайний правый мотор. Устранить неисправность в воздухе не удалось. Решили возвращаться. Предупредили об этом остров Врангеля. Там поднялась тревога. Зимовщики собирались на посадочной площадке. Все сильно нервничали. Наконец, показалась машина. Плавно, без единого толчка она коснулась снежного покрова и остановилась.

Теплица летом.

— Ну, самое худшее мы испытали, — сказал Черевичный, спускаясь по стремянке из люка. — Теперь не то что на полюс, а к чорту в зубы лететь можно!

На следующий день все четыре мотора работали исправно. Но ветры задули с новой силой. Несколько дней пришлось ожидать благоприятной погоды. Наконец, 2 апреля машина оторвалась от земли. Полет протекал при ясной, безоблачной погоде. В начале полета летчики наблюдали только годовалый, слабый лед, но за 77° пошли мощные паковые поля. Самолет опустился в районе «полюса относительной недоступности» на $81^{\circ}02'$ северной широты и 180° восточной долготы.

На льдине сразу же закипела работа. Аккуратов и Черниговский рубили лунку. Либин с механиками собирали механическую лебедку. Каминский приступил к устройству палаток. Макаров поставил радиомачту и вскоре наладил двустороннюю связь. Завязалась оживленная радиопереписка с береговыми станциями. Москва запросила о здоровье экипажа, о настроении, просили подробно сообщить о том, как устроились, что делают. Ширшов прислал короткую телеграмму: «Чертовски завидую вам, сожалею, что не с вами». Редакции газет требовали подробнейших информаций. Летчики едва успевали отвечать на вопросы.

Не прошло и двух часов с момента посадки, как льдина была уже обжита. Над прорубью стояла готовая к действию лебедка. Самолет и четыре палатки, выстроившиеся в ряд, образовали как бы улицу; другую сторону «улицы» представляла линия флагков.

В палатках уютно шипели примусы. В центре льдины высилась металлическая мачта макаровской радиостанции. Над лагерем гордо развевалось алое полотнище с портретом товарища Сталина.

Дрейфующий лагерь на льдине № 1 приступил к нормальной работе.

Заработала лебедка. В океанские глубины пополз тонкий стальной трос. Предполагалось, что здесь будет обнаружена одна из максимальных глубин океана. Но на глубине 2647 метров автоматический тормоз вдруг сработал. Это было так неожиданно, что гидрологи не хотели верить показаниям счетчика. Они решили, что тормоз, вероятно, испортился, и продолжали опускать трос. Потом начали подъем. Трос шел мотками, — видимо, он запутался на дне. Лот принес придонный грунт.

Сомнений больше не оставалось: глубина на «полюсе относительной недоступности» оказалась гораздо меньшей, чем предполагалось.

— Придется, пожалуй, переделывать географические карты, — задумчиво сказал Либин. — Вилkins, надо полагать, ошибся.

— Значит, будем считать, что первый день у нас не прошел正宗, — с удовлетворением отметил Черевичный.

Вторые сутки пребывания экспедиции на льдине ознаменовались радостным событием: удалось установить прямую радиотелефонную связь с Москвой. В Москве у аппарата был начальник Главсевморпути И. Д. Папанин, со льдины говорили с ним Черевичный и Либин.

— Как расположились? — спросил Папанин.

— Привет, Иван Дмитриевич! Расположились хорошо. Живем в двух палатках. В них сравнительно тепло.

— Какая у вас погода?

— До сих пор была ясная. Дул слабый ветер. Сейчас метеорологические условия несколько ухудшаются. Термометр показывает тридцать пять градусов мороза.

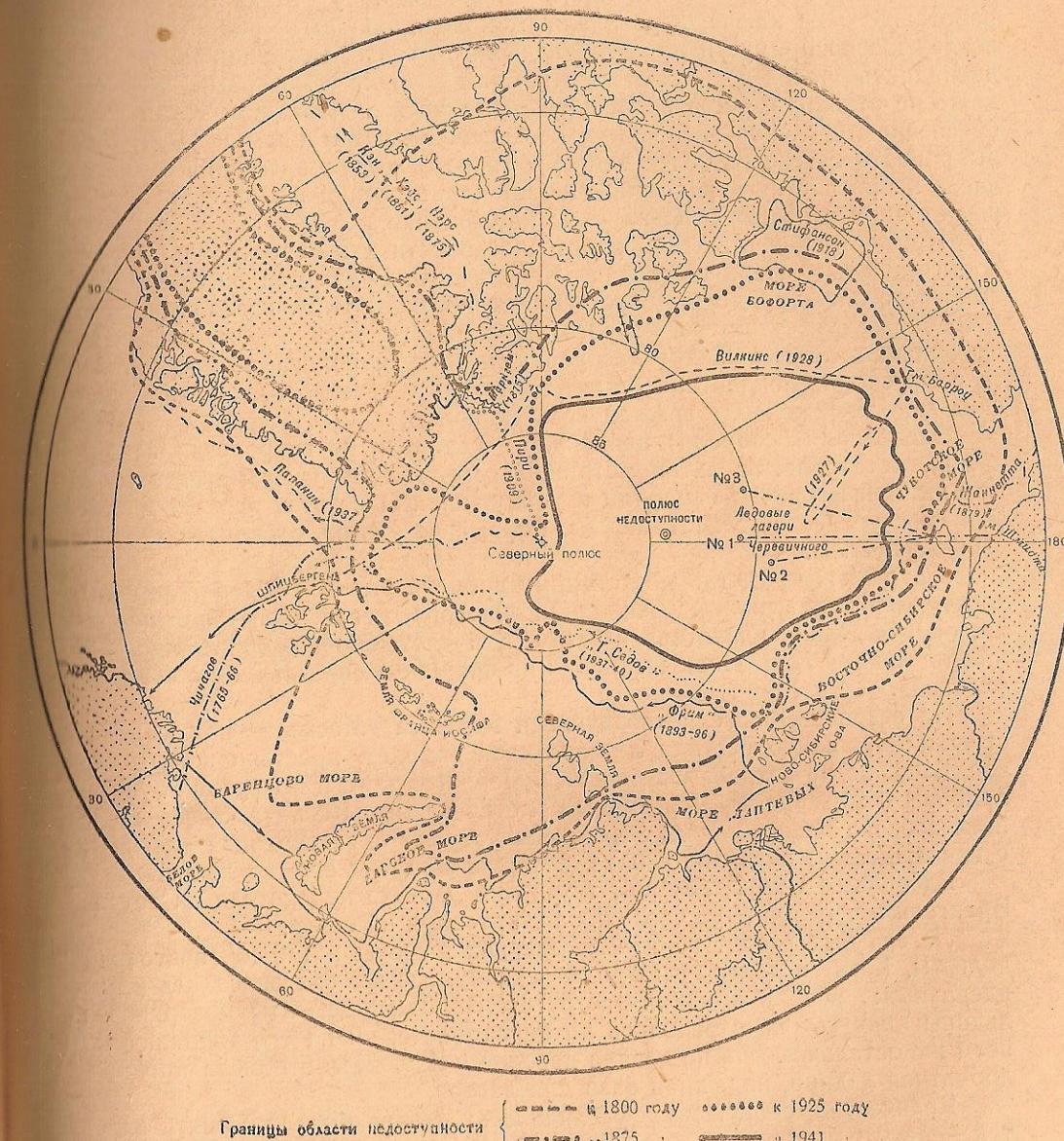
— Каковы данные льдины?

— Льдина хорошая. Толщина ее два метра. Она ограждена грядами торосов.

— Сколько дней намерены работать? Как себя чувствуют участники экспедиции?

— Предполагаем закончить все работы за пять-шесть дней. Чувствуем себя великолепно. Всем шлем горячий привет!

Черевичный немного «недоценил» возможности экспедиции: намеченная программа работ была выполнена досрочно — за четыре с половиной дня. Каждый работал за двоих, за троих. Не сладко приходилось маленькому коллективу: трудно было Аккуратову, выполнившему обязанности метеоролога, каждые три часа вылезать из теплого спального мешка на тридцатипятиградусный мороз, чтобы производить метеорологические наблюдения, но он поднимался и шел работать.

Границы области недоступности

Полеты Черевичного в район «полюса относительной недоступности» на самолете «СССР Н-169».

с точностью хорошо заведенного механизма; у Макарова, часами работавшего на ключе, деревянели от холода пальцы — радиостанция подвешивалась к ключу примус и продолжал держать связь; механики по десять-двенадцать часов возились на открытом воздухе с моторами, а затем, даже не отдохнув, переходили к гидрологическим лебедкам; Каминский обеспечивал членов экспедиции бесперебойным питанием и умудрялся выкраивать из своего более чем скромного бюджета времени несколько часов на расчистку аэродрома; Либин, Черниговский и Острекин непрерывно, днем и ночью, вели научные наблюдения.

Пример исключительной работоспособности и невероятной выносливости подавал Иван Иванович Черевичный. В эти дни он превзошел самого себя. Трудно было установить, когда он спит, когда отдыхает. В любое время суток его, бодрого, неутомимого, можно было видеть во всех концах лагеря. Пилот превращался то в гидролога, то в грузчика, то в фотокорреспондента, то в механика, то в метеоролога. Своей неиссякаемой энергией он заражал весь экипаж.

Экспедиция собрала ценнейший материал по гидрологии, гидрохимии, метеорологии, актинометрии, астрономии, земному магнетизму и гравитации. Вторично измерили глубину моря. И на этот раз лет достиг дна на глубине всего 2427 метров. Первый результат, следовательно, не был случайным.

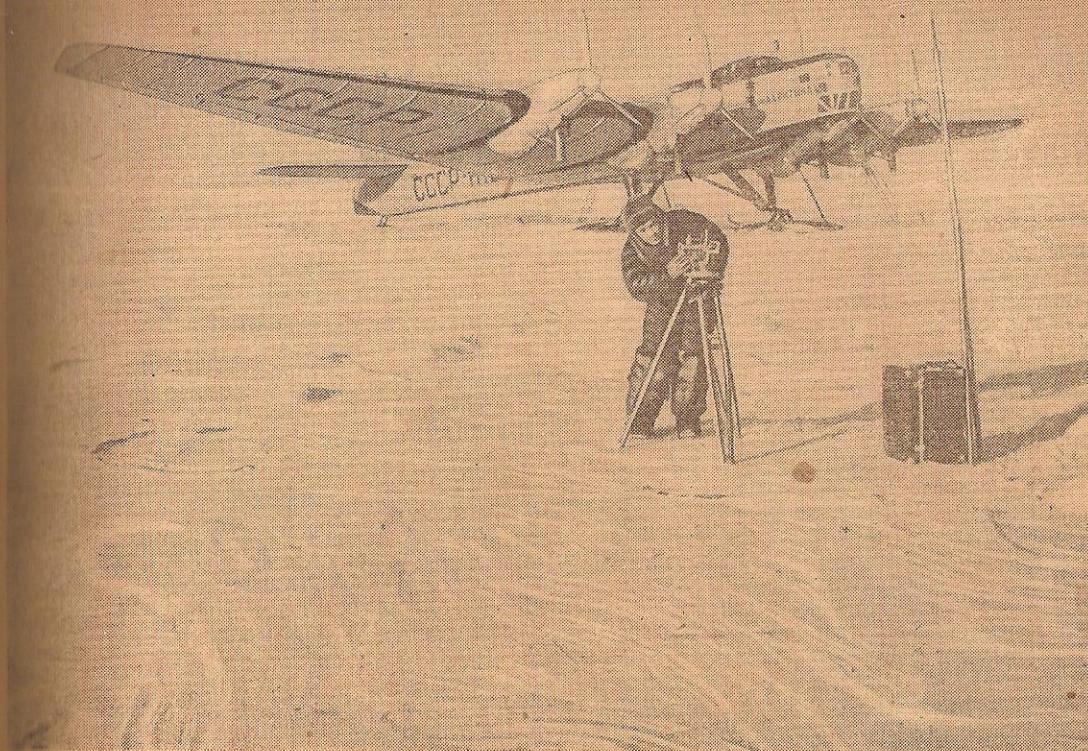
8 апреля утром (по московскому времени это был вечер 7 апреля) экспедиция приступила к ликвидации ледового лагеря. Погрузили палатки, оборудование, инвентарь в самолет, и «летающая лаборатория» покинула льдину № 1. Иван Иванович на прощанье снял льдину с воздуха «лейкой».

На острове Врангеля «воздушный экспресс «Москва — полюс недоступности», как окрестили летчики свой самолет, простоял всего один час. Высадив на острове Острекина и Черниговского и выгрузив научные приборы и материалы, Черевичный улетел на мыс Шмидта. Здесь после пятичасового беспробудного сна экипаж устроил «культпоход» — летчики с наслаждением парились в бане, которую заказали еще со льдины.

Вдоволь отдохнув, вечером 12 апреля летчики перелетели на остров Врангеля и через четыре часа снова стартовали на север.

Лагерь был разбит на $78^{\circ}27'$ северной широты и $176^{\circ}40'$ восточной долготы. Хоть и долго выбирали льдину, все же она оказалась не из идеальных: вся в жестких застругах. Впрочем, дефекты поверхности льдины ничуть не отразились ни на самолете, ни на его экипаже. Во всем же остальном она не давала поводов к жалобам: это была крепкая, добротная льдина, надежная база для лагеря.

Количество сооружений увеличилось: теперь было уже пять палаток — пятую захватили на острове Врангеля. Каминский внес ряд усовершенствований и улучшений в быт и благоустройство лагеря. Для удобства населения лагерные сооружения были перенумерованы и поименованы. Большая палатка получила название «Дворец Советов», палатку механиков окрестили «Домом техники», палатку астронома — «Домом науки»; камбуз, занимавший угол в самолете, назвали «Рестора-

На «полюсе относительной недоступности». Магнитные наблюдения.

ном Арагви». Идя навстречу интересам потребителей, Каминский открыл в гидрологической палатке филиал своего ресторана под названием «Буфет-закусочная».

Обедали два раза в сутки. В меню входили: зернистая икра, пельмени, суп картофельный с грудинкой, жаркое, олени отбивные, кисель, кофе с молоком, чай.

С материком поддерживалась регулярная связь. Два-три раза в день радиостанция мыса Челюскин Пикус по собственной инициативе передавал краткие сообщения о важнейших событиях, и члены экспедиции всегда были в курсе того, что делается в мире. Бесчисленные радиограммы постоянно напоминали им о том, что родина заботится о них, внимательно наблюдает за их жизнью и работой.

Черевичный во время одной из своих экскурсий по льдине набрел на свежие следы песца. Это открытие произвело в лагере фурор: раз есть песец, значит неподалеку должен быть белый медведь. И действительно, назавтра же медведь пожаловал в гости.

В медведя не стреляли, а попросту прогнали его вон с территории лагеря. Зверь, озираясь, побрал к своим толосам.

Скоро медведь, видимо, соскучившийся в пустынных льдах, снова